

Л. Н. Пушкарев

ПИСЬМЕННАЯ ФОРМА БЫТОВАНИЯ ФРОНТОВОГО ФОЛЬКЛОРА

Я был в числе немногих фольклористов, записывавших фольклор непосредственно в боевой обстановке (на формировании и боевой учебе, в походах и на отдыхе, на стоянках, в боевом охранении и в перерывах между операциями и т. д.). Известно, что большая часть фронтового фольклора записана в госпиталях, у возвратившихся в тыл бойцов, собрана специалистами-фольклористами или взята из записных книжек и дневников фронтовиков и т. д. Мало кто из фольклористов мог наблюдать бытование фольклора непосредственно на фронте. Да и мне тоже приходилось заниматься этим лишь в свободное от несения военной службы время. А много ли было его у рядового бойца?

Я ушел на фронт добровольцем с третьего курса филологического факультета Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта (далее — МГПИ) по комсомольскому призыву на защиту Москвы и начал свой боевой путь в рядах 3-й Московской коммунистической дивизии 14 октября 1941 г. вначале связистом, затем связным у командира батальона Паппеля. Бойцом-пехотинцем я принял свой первый бой¹, был ранен, лежал в госпитале, после излечения короткое время находился в 206-м запасном полку под Москвой. Отсюда я был зачислен в 5-й отдельный батальон химзащиты, в котором и прослужил 3,5 года в одной части — случай, редкий для военного времени.

Записывать фронтовой фольклор было несложно. Песни бытовали всюду, поговорки так и сыпались из уст бойцов и командиров, нередко рассказывались и сказки. Труднее оказалось сохранить записи. Пока я служил рядовым, все мое личное имущество размещалось в карманах гимнастерки и в вещмешке. Да и по уставу хранить лишние предметы в вещмешке не положено. Старшина строго следил за этим. Но вот меня избрали комсоргом части, и дело изменилось. В моем распоряжении появился хотя и маленький, но свой походный сейфик для хранения комсомольских документов и денег (комсомольских взносов). Вот в этом-то железном ящичке с ключом я и сберегал свои записи фронтового фольклора. Выручило меня и то, что провожавший меня на фронт мой учитель из МГПИ, известный позже фольклорист В. И. Чичеров предусмотрительно снабдил меня тремя общими тетрадами в ледериновом переплете (по 96 листов) и карандашами — и то, и другое на фронте было большим дефицитом... Кроме того, он дал мне краткую инструкцию по сбору фольклорных материалов. Вот это сослужило мне впоследствии неоценимую службу.

Не все мои фронтовые записи уцелели. Многие погибли в сложной фронтовой обстановке — бомбежки, внезапные переезды, неожиданные проверки и реквизиции СМЕРШ'а и особистов (работников Особого отдела, следившего за настроением бойцов и предупреждавшего возможности проникновения лазутчиков в наши ряды) — все это привело к тому, что часть записанного оказалось утраченной или же реквизированной (так, были отобраны мои записи фронтовых анекдотов, в которых упоминались некоторые государственные указы и приказы по армии). Но основной материал я сумел сохранить: с оказией я пересылал собранные записи либо к родителям, либо В. И. Чичерову, которые сберегли их и передали мне уже после демобилизации. По этим записям мною было опубликовано две статьи².

Экзамены за 4-й курс пединститута я сдал досрочно, экстерном, поступил в аспирантуру МГУ, защитил кандидатскую диссертацию и был направлен на работу в Институт истории АН СССР. Здесь я глубоко осознал значение фронтового фольклора как исторического источника, собрал свои записи и предложил их

издательству «Наука», но, увы, получил отказ. Неизвестный мне рецензент написал в отзыве, что собранные мною песни и сказки не могут быть названы подлинно народным творчеством, потому что в них не нашла отражения самоотверженная деятельность политорганов, сыгравших решающую роль в разгроме фашистских захватчиков. Кроме того, в моих записях совсем не упоминался И. В. Сталин, с именем которого шли в бой и побеждали воины Советской армии... После смерти Сталина я было попытался опять опубликовать свои материалы, но, посоветовавшись с умными людьми, понял всю абсурдность моих попыток. Наконец, уже после перестройки я вновь обратился в издательство. Работу приняли и в течение полутора лет рецензировали — сначала получили отзыв специалиста-фольклориста (д-р филол. наук Н. И. Савушкина), затем двух генералов-фронтовиков (генерал-майор А. В. Москалев и контр-адмирал Т. А. Гайдар). Все отзывы были положительными, но на этот раз издание отложили по экономическим причинам: не было бумаги и средств для издания. Вот уже пять десятков лет эти записи ждут своего часа.

Эту публикацию я рассматриваю как заявку на исследование большой и важной темы о письменной форме бытования фронтового фольклора. Общеизвестно, что устная форма передачи фольклорных произведений из поколения в поколение всегда считалась их отличительным признаком. И это справедливо. Однако на фронте мне пришлось столкнуться с новой для меня формой распространения фронтового фольклора — письменной. Случилось это так.

В январе 1945 г. в связи с провалом наступления англо-американских войск в Арденнах Черчилль 6 января 1945 г. обратился к советскому Верховному Главнокомандованию с просьбой о помощи. Началась так называемая Восточно-Прусская операция 2-го Белорусского и 3-го Белорусского фронтов. Наша часть, входившая во 2-й Белорусский фронт, непосредственно в боевых действиях не участвовала, но две роты были откомандированы для охраны и маскировки при помощи дымовых шашек понтонного моста через р. Нарев у г. Ломжи.

На обочине дороги, ведущей к мосту, большой транспарант-указатель с призывом: «Добьем врага в его собственной берлоге!». Транспарант уже не первой свежести: видывал и дожди, и снег, и ветры. Он немного накренился набок (один из стояков, видимо, был подпорчен задевшим его танком — судя по следу гусениц), в нескольких местах пробит пулями, наверное, с самолета, краска кое-где уже слезла. Около этого транспаранта обычно делали последний привал войска, следовавшие на переправу через р. Нарев. Бойцы приводили себя в порядок, сюда прибывали для встречи подразделения и дожидались друг друга. Рядом — большой Контрольно-пропускной пункт (КПП) с просторной землянкой на две печки... Одним словом, транспарант установлен на бойком месте. Почти вся его свободная площадь до высоты человеческого роста исписана бойцами, которые временно здесь задерживались. Привожу эти записи в том виде, как они были скопированы мною в записную книжку.

1. Эй, ты, Гитлер, пес убогий,
Мы добьем тебя в берлоге!
2. Ездовой! Готовь-ка дроги —
Едем бить врага в берлоге!
3. Приготовь-ка, Ванька, дроги —
Едем фрицев бить в берлоге!
4. Дай закусим на дорогу,
Выпьем, братцы, понемногу,
Чай, идем громить берлогу!
5. Подбери, пехота, ноги —
Едут танки до берлоги! *Иван Маслаченко.*
6. Я хочу совсем немногова —
Мне бы лишь дойти до логова. *Л. Н. П. В/ч 56 365.*

7. Эх, сыпь круче,
Ты меня не мучай!
Меня, братцы, мои ноги
Так и тянут до берлоги. *Писал плясун Иван Муксун.*
8. Ты не пой, не пляши, —
А ты лучше напиши,
Что нам делать, как нам быть,
Как бы Гитлера убить!
9. Косова, убогова
Словим мы у логова,
Глаз последний подобьем,
А потом домой пойдем. *Вася!*
10. Наша сила
Фрица покосила!
11. За нашу Родину, за наш народ
Наша гвардейская идет вперед!
12. От стен Сталинграда до прусекой земли
Прошли боевые машины.
13. Куда ни глянь,
А у фрицев дело дрянь!
14. Прошли Белоруссию
И вступаем в Пруссию,
Осталось немного —
Разгромить берлогу! *И. Логинов, арт[иллерист?].*
15. Ох, вы, наши солдатские ноги,
Сколько топать еще до берлоги? *К. Б.*
16. Эй, пехота, не трусь,
Мы прошли Белорусь,
Осталось немного —
Дойдем и до берлоги! *Сапер Голубцов.*
17. Наш план прост:
Построим мост,
Откроем дорогу
К Гитлеру в берлогу! *Сапер из 5-го мостост[роительного батальона?].*
18. Не допускайте пережога,
Еще не близко та берлога.
19. Через пади, через логи
Гоним зверя мы к берлоге. *Иван Пушкарь, сибиряк.*
20. Здесь отдыхали вернувшиеся с передовой из-под Юганисбурга раненные бойцы: сержант Семенов с бойцами Кульбакиным, Ламиным, Куцем, Бараташвили, Юхаровым, Вартаняном. Бей фашистов, смерть косому Гитлеру!
21. Смелей иди в бой —
Родина за тобой!
22. Здесь был перекур перед боем.
Если умру, то умру героем.
23. Ты, я знаю, измениться не могла,
И я верю, все такая, как была!
24. До берлоги дойдем
И врага разобьем! *С. Л. 206 ЗСП.*
25. Мы с товарищем не тужим,
Верно Родине послужим!
26. Скоро с елочки игопочки
На землю упадут,
Скоро Гитлеру косому
Будет подлинный капут! *Семенчук Леся.*
27. Эх, ты, Гитлер, медный лоб,

Закажи скорее гроб,
Если гроба не закажешь,
То без гроба в землю ляжешь! *Кривцов.*

28. На горе стоит осина,
Под осиною сугроб.
Скоро, братцы, очень скоро
Гитлера загоним в гроб! Это я вам точно говорю. *Гвардеец Киселев.*

29. Как на горке, на горе,
На самой вершине
Вот бы Гитлера повесить
На кривой осине!

Надо признаться, что до января 1945 г. я не обращал внимания на всевозможные надписи подобного рода, хотя письменная форма бытования творчества фронтовиков существовала. Так, еще в 1941 г. я записал несколько надписей на бутылках с горючей смесью, полученных нами от шефов во время обороны Москвы. Но сделал я это, еще не осознавая, что передо мной — новая форма бытования фронтового фольклора. Но после случайного знакомства с транспарантом-указателем у Ломжи (я дождался попутной машины, от скуки стал рассматривать транспарант и вдруг обнаружил на нем надписи) я увидел, как оперативно откликнулись бойцы на брошенный в армию призыв: «Добить зверя в его собственной берлоге». Для творчества фронтовиков характерно стремление приободрить товарищей перед боем, высмеять «косоного Гитлера» (этот эпитет стал постоянным), в нем сквозит уверенность в победе, прочно занявшая место в сознании воинов в 1945 г.

Я стал более внимательно осматривать всевозможные щиты, указатели, стенды, плакаты и т. д., встречавшиеся на фронтовых дорогах, и обнаружил на них массу интереснейших материалов. Конечно, не все из встретившегося можно назвать фольклором, здесь было много сопутствующего материала, характеризующего настроение бойцов, их мысли и чувства, их впечатления от быстро меняющихся событий военного времени, их образное восприятие обстановки. Сейчас я понимаю, что это был первоклассный источник для изучения менталитета армейского коллектива, и горько сожалею, что не фиксировал больше и чаще. Но что было, то было.

Бойцы записывали свои мысли на указателях при дорогах, агитплакатах, объявлениях, боевых машинах (обычно на бортах грузовиков, на танках и бронетранспортерах), на листовках, разбрасываемых в прифронтовых населенных пунктах, в боевых листовках, а в демобилизационный период — на стенках товарных вагонов, в которых воины возвращались на Родину, на стенах вокзалов, на теплушках, стоявших на путях. Писали чаще всего мелом (на железе эти надписи сохранялись хорошо) или карандашом (на бумаге).

Так, на одном указателе «ГЛР — 200 м» (т. е. до госпиталя для легкораненых 200 метров) были следующие частушки:

На горе стоит больница,
У больницы — елочка,
Распроклятые фашисты
Ранили миленочка!

Били рыцарей на льду,
Били фрицев на ходу,
Долго Гитлеру не жить,
Били, бьем и будем бить!

Роем Гитлеру мы яму
За бандитские дела.
Эх, какая только мама
Паразита родила! *Боец-ленинградец Петр Жиг [далее стерт].*

Частушка вызвала отклики:

«Гитлеру дадим по праву

За бандитские дела.

Эх, какая только фрау

Паразита родила? Гитлера родила не мама, а фрау. Не позорь имя матери, ты, Петр Жигалин!»

Другим почерком: «И верно. У Гитлера и матери-то не было». Третьим: «А что же его, свят дух родил, что ли?» Четвертым: «А у нас так поют: „Германия, Германия, проклятая страна. Эх, зачем же ты, Германия, Гитлерюгу родила?“». Пятым почерком: «Не складно, зато ладно. Бей фашистов в лоб, готовь Гитлеру гроб!».

Не правда ли, перед нами словно запись процесса коллективного творчества? Чуть ли не «Как сложили песню» Максима Горького! Жаль, что нет дат, они вообще чрезвычайно редко встречаются в записях подобного рода.

Еще на одном указателе «ГЛР — за лесом» были интересные частушки, написанные, видимо, санитарками и местными девушками:

Задушевная товарка,
Скоро Гитлера убьют,
Скоро наши ягодиночки
С победою придут!

Девушки, молитесь Бога,
Чтобы Гитлер околел!
Распроклятая зараза,
А не зря ты окосел!

А у нас так про косоного Гитлера поют:

Кабы я имела крылышки,
Слетала б на войну,
Заколола бы я Гитлера,
Косоного сатану!

Да плюньте вы на косоного, красавицы! Скоро ему капнут.

Скоро, скоро на сосенке
Шишка лопнет, упадет,
Скоро Гитлер из Берлина
Выйдет задом наперед!

Девочки, как хочется в гражданском походить...

Ой, подруга; мы с тобой
Какие были модные...
А теперь на нас с тобой
Шинелочки походные...
Милый мой погоны носит
И ремни напереплет.
Война кончится, приедет
И меня к себе возьмет!

Кому война, а вам все любовь на уме! Бабы вы бабы и есть! *Солдат Иван.*

А что бы ты, Иван, без нас делал! *Марья.*

Как непохожи эти «женские» по своей тематике записи на те, что мы встречали на остальных транспарантах! И какой это благодатный материал для раскрытия темы «Женщина на войне»!

Вот собранные мною записи на танках.

1. Жми скорее, дойдем до Шпрее!
2. Бой — не каравай, рот не разевай!
3. Садись на машину, подброшу к Берлину!
4. Где смелость — там победа!
5. Позади — Висла, будет немцам кисло!
6. Гвардейская слава — врагу отравы.
7. Дайте дорогу, еду в берлогу!
8. Славу свою добывай в бою!
9. Бьем фашистов в лоб и спину, злобный враг бежит к Берлину!

Надписи были сделаны мелом, нередко по стертым ранее призывам. По-видимому, они менялись в зависимости от обстановки. Писали их не только танкисты. На одном из танков встретилась и такая надпись: «Давай, танкисты, громи фашистов, а на подмогу зови артиллеристов!»

На немецком танке, подорвавшемся на mine и стоявшем на обочине, было две частушки:

Шла машина из Берлина,
Да нарвалась на мину.
А у нас богато мин,
Хватит нам и на Берлин!

Из колодца вода льется,
Вода — чистый леденец.
Веселитесь, девчата, —
Скору Гитлеру конец!

Вот собранные мною надписи на бортах и кабинах грузовиков из автобата резерва Главного командования.

1. Добывай себе победу, смерть фашисту-людоеду!
2. Кто за правое дело стоит, тот всегда победит!
3. Иди вперед, лучше страх не берет!
4. Бей сильней фашистских зверей — вот и победа придет скорей!
5. Каждый фашист — преступник, слава тому, кто его пристукнет!
6. Для Родины своей жизни не жалея!
7. Покажем свою отвагу, прибавим к Берлину шагу!
8. Отчизне послужим в бою за честь и свободу свою!
9. Дел у нас еще много, вперед, в Берлин на берлогу!
10. Смелее в бой, Родина за тобой!
11. Не давай врагу передышки, ни дна ему, ни покрывки!
12. Фашистский бандит всегда будет бит!

Как мне удалось установить в результате расспросов шоферов, некоторые из этих призывов были написаны по указанию политрука, а другие сочинили сами водители и очень этим гордились.

Очень интересны надписи на транспарантах, сделанные в конце войны (они записаны мною уже в апреле 1945 г.). На транспаранте «На Берлин — 50 км» были такие надписи.

1. Вот эта улица, вот этот дом,
Вот этот Гитлер, его мы добьем!
2. Скоро, скоро Троица,
Скоро лес покроется,
Скоро Гитлера убьют,
Сердце успокоится!

3. Я пою и веселюся,
Враг проклятый побежден.
Милый мой уже в Берлине
И медалью награжден! (И далее рисунок медали «За отвагу»).

Интересная надпись была обнаружена на одном из снарядов от «Сорокапятки» (пушка калибра 45 мм):

Московские калачи
Тяжелы да горячи.
Гитлер, не рычи,
Ешь да молчи!

Как выяснилось, надпись сделал подносчик снарядов москвич Иван Сергеевич Сергеев, лет сорока, на гражданке — разносчик Мосхлеботорга, торговал до войны с лотка калачами. Надпись переделал он сам из «зазывалки» покупателей:

Московские калачи
Белы да горячи,
Лежи на печи,
Ешь да молчи!

Очень интересны и показательны для письменной формы бытования творчества фронтовиков те «Боевые листки», которые выпускались непосредственно на огневой позиции. Так, нашей части была дана боевая задача — прикрыть дымовой завесой наступление пехотных подразделений, форсировавших водный рубеж. Бойцы одного из взводов роты капитана Чумарина разместились в специально для дымовиков открытых маленьких окопчиках («ячейках») вместе с запасом дымовых шашек. Все сидели молча и ожидали ракеты — по сигналу они должны были все одновременно зажечь свои дымовые шашки для образования сплошной дымовой завесы. От ячейки к ячейке тянулась по земле бечевка, к которой комсорг роты Иван Михайлович Голуб (украинец, уроженец ст. Губиника Новомосковского района Днепропетровской области, 1923 г. рождения) прикрепил боевой листок с единственной заметкой «Обеспечим успех пехоты!». Бойцы тянули бечевку от одной ячейки к другой и таким образом знакомились с боевым листком прямо на поле боя. Когда после операции (она прошла успешно) боевой листок был возвращен комсоргу роты (а он передал его мне), то я обнаружил, что он был весь испещрен различными пометами читавших его бойцов. Вот этот листок:

Смерть немецким оккупантам!

Боевой листок
подразделения капитана Чумарина

Обеспечим успех пехоты!

Товарищи, перед нами поставлена боевая и ответственная задача — прикрыть дымзавесой скрытное накопление наших войск и обеспечить быстрый выход их на форсирование реки. Бойцы, от нашей с Вами аккуратности и точности зависит жизнь наших братьев-пехотинцев и успех боевой операции. Комсомольцы, будьте в первых рядах, личным примером покажите образец внимательности и точности в выполнении боевого задания.

Боевые друзья! Мы вступили с Вами в Европу, перешли Вислу, перед нами — Балтика. Сбросим фашистов в море! Смерть немецким оккупантам!

Комсорг Иван Голуб.

На чистом обороте боевого листка были такие пометы.

1. Фрицам, братцы, стало кисло:
Позади осталась Висла! *Семенов.*
2. Обязуемся по-комсомольски выполнить боевое задание. Призываю на соревнование второе отделение. *Сержант Головченко.*
3. За нами дело не станет. Устроим фашистам горе, искупаем их в море. *Даниелян.*
4. Третье отделение к выполнению боевого задания готово. *Сержант Козьмин.*
5. Фрицам, братцы, стало кисло,
Позади осталась Висла.
Помоги фашисту в «горе»,
Опрокинь фашиста в море!
6. Ковальчук, подбрось парочку наших шашек, у меня одни американские, боюсь, не отсырели ли.
Минаев.
7. Мыкола, що ж ты, щучий сын, не мог поглубже ячейку вырить?
Голова же видна, тю, скаженный.
8. Принимайся, братцы, за работу, обеспечим дорогу для пехоты!
(Здесь же рисунок карандашом от руки: боец роет окоп и зажигает дымовую шашку.).
9. Стихи писать все горазды, посмотрим, как дымить будете. А я не подведу! *Ефрейтор Клименков.*
10. Роту я не подведу,
А фашистам на беду
Запущу-ка я завесу
Аж от речки и до лесу.
11. Не жалея, ребята, лота,
Приближается пехота!
12. И что это за стихоплет? Завесу не запускают, а ставят. Надо так:
Я ребят не подведу,
Всем фашистам на беду
Как поставим мы завесу
От дороги и до лесу!
13. Ура, ребята! Пехота пошла! *Сергейчук.*
14. Дымим, братцы, дымим! Передай дальше! *Николаев.*
15. Уж ты, Коля-Николай,
Дыми, дыми, не зевай!
Сашка * зажжется —
Николай смеется! *Покровский Александр.*
16. У Покровского у Сашки
Загорелся три шашки.
И от Сашкиной заботы
Расчихалась пехота.
17. Ребя, напротив меня реку уже форсировали. А у вас? *Зелелух.*
18. Коля Зелелух от радости припуч!
19. Туши шашки, готовь котелки, повар едет!
20. Мы дымили-дыманули,
Немцы глазом морганули,
И прикрыла наша рота
Путь для матушки-пехоты. *Семчук.*
21. Выполнил задание, затем и досвидание. *Иващенко.*
22. Голуб, ты куда смотришь, гляди, что с боевым листком сделали?
23. Ребята, отбой, пошли домой!

Этот боевой листок очень показателен не только для письменной формы бытования фронтового фольклора (записи № 5, 12 и 20 были позднее исполнены на вечере красноармейской самодеятельности). По этому листку можно себе

* Т. е. шашка (дымовая).

представить, как бытовал фольклор на поле боя перед самой операцией, во время ее и после боя. Вначале все записи отражают готовность к бою, содержат боевые призывы. Затем — сама операция по задымлению, тут уж не до фольклора. Но вот река форсирована, огонь перенесен вперед, дымзавеса уже не нужна, она свое дело сделала, уберегла пехотинцев от ненужных потерь. Боевое задание успешно выполнено, рота потерь не понесла, напряжение спало, посыпались шуточки-прибауточки, частушки, отражающие только что достигнутый успех, да еще и повар на горизонте появился...

Конечно, не все листки были такие, скорее, этот был исключением. Но тем не менее следует отметить, что в боевых листках помещалось очень много частушек (особенно в боевых листках взвода разведки, где было много отличных частушечников). Часты были стихотворные рифмованные призывы (правда, не всегда удачные по форме), помещались и песни, которые вслед за тем особенно быстро усваивались бойцами и начинали жить уже в устном бытовании. Поэтому остается только горько сожалеть, что боевые листки в массе своей до нас совсем не дошли, а сколько бы в них нашли для себя материала историки и фольклористы!

Перехожу еще к одной необыкновенно волнующей память фронтовиков заключительной фазе Великой Отечественной войны — к демобилизации. В этот период письменная форма бытования фронтового фольклора была отмечена мною на железнодорожных станциях, где формировались эшелоны для отправки воинов на Родину, и на оборудованных для перевозки людей товарных вагонах. Они украшались самими солдатами ветками и флагами, самодельными лозунгами и рисунками, сделанными прямо мелом на стенках вагонов или на фанерных или железных листах, прибывавшихся затем к вагонам. Очень многие надписи были сделаны мелом и карандашом явно женской рукой. Их писали девушки на стоянках эшелонов, это были главным образом частушки. Но как разительно отличались они от частушек первых лет Великой Отечественной войны! В них звучали слова радости и счастья, сбывшихся надежд и ожидаемых больших перемен в личной жизни. Воины и мирные жители выражали переполнявшие их чувства в таких лозунгах и частушках.

1. Встречайте, родители, к вам едут победители!
2. Победители домой
С фронта возвращаются.
Сколько сразу ухажеров —
Глаза разбегаются!
3. Родина-мать!
Готовься встречать!
Едут победители
И освободители!
4. Под окном у нас растет
Сирень голубая.
Мы победы дождались
Девятого мая!
5. Привет родной земле и слава от тех, кто жизнь принес в Варшаву!
6. Наши славные войска
Родину прославили
И в Берлине на рейхстаге
Красный флаг поставили!
7. Едут в вагоне холостые бойцы,
Как на подбор, удалыцы-молодцы.
Где же ты, девица — русая коса,
Душенька-лапонька, серые глаза?
8. Все солдаты веселятся,
Что отвоевались.

- А девочки тоже рады —
Женихов дождались!
9. От Москвы и до Берлина
Мы вели свои машины.
Долг исполнили мы свой,
Возвращаемся домой!
10. Идет поезд из Берлина
С красными вагонами.
Наши славные герои
Едут эшелонами!
11. Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех!
12. Прошли дорогами войны
Через четыре мы страны,
Но лучше нет дороги той,
Которая ведет домой!
13. То не ветер пыль метет,
То боец домой идет.
Форма новая на нем,
Ордена горят огнем!
14. Я знал, что я к тебе вернусь, моя родная Беларусь!
15. Лучше нету той победы,
Над фашистскою страной.
Лучше нету той минуты,
Как поехали домой!
16. До свиданья, за граница, мне давно Россия снится!

Приведенные выше записи и надписи скопированы не с одного вагона, причем повторяющиеся надписи я не фиксировал (о чем сейчас жалею, так как это могло бы дать материал для заключения о популярности тех или иных вариантов). Сохранилось лишь несколько прозаических лозунгов: «Отвоевали — едем восстанавливать разрушенное!», «Воевали хорошо, будем работать еще лучше!», «Руки устали от оружия, соскучились по мирному труду!», «Отцы, матери, жены, дети, отвоевали, едем к вам!» и т. д. Не записывал я также и тексты песен, помещавшиеся зачастую на вагонных дверях. Это были, главным образом, песни о грядущей встрече: «Ты ждешь, Лизавета», «Не тревожь ты себя, не тревожь», «Спит деревушка» и др.

Расскажу об одном эпизоде, характерном для того времени. Наш эшелон прибыл на узловую станцию на длительную стоянку: надо было проверить тормоза и заменить сносившиеся. Железнодорожники (мойщицы вагонов) принялись было смывать со стен вагонов меловые надписи. Но бойцы решительно восстали и упростили не делать этого, не стирать эти призывы и частушки — с убедительным доводом: «От границы везем!» Это подействовало. Украшенные ветками елок и берез (они непрерывно обновлялись встречавшими наши вагоны девушками), с красными кумачевыми стягами и транспарантами, эти обычные товарные вагоны выглядели торжественно и празднично. А может быть, это просто казалось нам тогда — нам, оставшимся чудом живыми и возвращающимся домой, в родные пенаты... Но в памяти до сих пор стоят хмельные от радости бойцы, только сейчас поверившие, что они остались живы... Сколько песен было перепето за те немногие дни, что мы провели в эшелоне! С какой жадностью вглядывались мы в разоренные и опустошенные места, такие близкие нашему сердцу, истосковавшемуся по родным краям за четыре с лишним года войны! С каким нетерпением ожидали мы встречи с Отчизной, от которой были оторваны на такие трудные и долгие годы! Сколько песен было переписано в эти дни в дневники, записные книжки и песенники — на память о войне.

Я совсем не касаюсь этих песенников в настоящей статье: они заслуживают

специального анализа. К проблеме письменной формы бытования фронтового фольклора они имеют лишь косвенное отношение. Они были лишь средством сохранения текстов. После войны многие из них стали предметом исследования для некоторых фольклористов, источником, откуда они черпали сведения о репертуаре различных воинских подразделений. Некоторые из песенников (правда, преимущественно составлявшихся девушками в тылу, но включивших в себя и произведения фронтового фольклора) были скопированы и хранятся в настоящее время в архивах фольклорных экспедиций. Это важная разновидность исторического источника, но для рассмотрения проблемы бытования фольклора на фронте они могут быть привлечены лишь с большой оговоркой.

Настоящая статья носит скорее информационный, а не исследовательский характер. Прежде всего мне не известны публикации подобного рода. Единственная работа, посвященная проблеме бытования фронтового фольклора³, письменную форму его бытования не затрагивает в полной мере. Примеры лозунгов и призывов, помещенных в листовках и в армейской печати, далеки от народного творчества. Это было творчество политработников, более или менее умело использовавших подлинно народные материалы. Совсем иной характер носили листовки, создававшиеся в партизанских отрядах, но их дошло до нас очень мало, и они не дают достаточного материала для научных выводов.

Видимо, предстоит еще большая работа для установления репрезентативности дошедших до нас письменных материалов фольклорного характера. Ведь не все, публиковавшееся во фронтовой печати, в листовках, внесенное в песенники и альбомы, было подлинно народным. Иногда под видом народного творчества публиковались материалы, инспирированные политорганами в армии и тылу. Особенно тщательно должно быть проанализировано опубликованное народное творчество военных лет. Мы сейчас уже можем со всей определенностью сказать, что прославление Сталина и коммунистической партии не было повсеместным явлением во фронтовом фольклоре: многое искусственно привносилось в него под давлением извне. Публиковалось только то, что соответствовало требованиям цензуры и времени.

Прошло полвека со времени окончания войны. Этнографы и фольклористы могут теперь непредвзято отнестись к народному творчеству тех лет, со спокойной душой отобрать в нем то, что действительно было народным. Фольклор военных лет должен обрести свою вторую жизнь. Надо обратиться к живым еще ветеранам Великой Отечественной и собрать то, что они сохранили.

Примечания

¹ Пушкарев Л. Н. Мой первый бой в рядах 3-й Московской коммунистической дивизии // В годы войны: Статьи и очерки. М., 1985. С. 42—51.

² Пушкарев Л. Н. Из наблюдений над творчеством фронтовиков // Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1952. Т. XI. Вып. 6; его же. Из воспоминаний фольклориста-фронтовика // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М., 1964.

³ Кирдан Б. П. Бытование русского фольклора Великой Отечественной войны // Русский фольклор Великой Отечественной войны. М., 1964. С. 267—292.

Written form of front-line folklore

The article contains a war veteran folklorist's observations of written folkloric forms found on transparencies, on the sides of armoured vehicles, tanks and railway carriages, during the Great patriotic war. The author leaves out soldiers' diaries, note-books or song-books, as those were the only the means of preserving folkloric texts.

L. N. Pushkaryov